

СЧЕТ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Последнее время мне пришлось принимать участие в обсуждении учебников по литературе для школы II ступени, т. е. для подростков 12-17 лет. И это дело стало очень волнующим. В 7-й группе у нас есть курс «теория литературоведения». Его называют «основой науки». Курс ответственный. Он должен дать нашей молодежи понимание того, что такое литература, художественное произведение, должен научить молодежь овладеть литературой, как орудием познания жизни, людей, людских взаимоотношений. Плеханов как-то писал, что таких писателей, как Успенский, надо изучать так же внимательно, как статистические данные, писал, что это говорящие факты живой действительности. Я помню, как об этих словах Плеханова говорил Владимир Ильич, как много черпал он сам из литературы всегда и особенно в молодые годы, как много дала ему литература для познания жизни, людей. В ранней молодости литература воспринимается острее, она волнует, захватывает, увлекает, иногда оскверняет, возмущает, дает ряд сильнейших переживаний. Она делает жизнь полнее. Эмоциональность молодежи, подростков делает их особенно восприимчивыми к литературе. Мне запомнилось, как Л. Толстой описывает, как он учил писать деревенских подростков, как ребята коллективно писали рассказы, как он старался поменьше опекать их, как старался очень осторожно давать им указания, как потом провоза их домой, и как долго они ходили по опушке зимнего леса и говорили долго о литературе, о том, как захватил его этот разговор. Запечатлелось это описание у Л. Толстого. За последнее время у нас стало наблюдаться у некоторых учителей высокомерное отношение к ученикам, учитель «все», ученик

должен учиться слушаться, «успевать». Роль учителя понимают совершенно неверно, видят ее не в выполнении ответственности за качество учебы, а в том, что ученик должен смотреть на учителя снизу вверх. Я не буду обобщать этого явления, но кое-где оживают старые традиции. Это заражает даже молодых, которые, подражая учителям, неправильно понимают свою роль и даже боятся, не снизит ли их значения как политического руководителя то, что они называются «старшими товарищами пионеров». Ленин не боялся, что его значение, как политического руководителя, снизится оттого, что его называют товарищем миллионов рабочих и крестьян. Л. Толстой не боялся, что значение как мирового писателя снизится оттого, что он будет с деревенскими ребятами, как с равными, говорить о литературе, о художественном творчестве, он сам много черпал из этих бесед.

Сейчас значение литературы возрастает. У Льва Толстого есть одно замечательное описание весны в лесу, в «Анне Карениной». Пробуждаются первые ростки травы, и вот стоит Ленин, отправившийся с ружьем на охоту, и видит, как шелестел и шелестел лист, толкнул его пробившийся сквозь зелень молодой росток травы. Как-то говорил мы с Ильичем об этом листе у Л. Толстого, потом Ильич не раз употреблял выражение «ростки новой жизни». Все мошнее пробуждаются ростки новой жизни, сдвигаются, сбрасывают иссохшие листья старого быта, старых людских отношений. Настоящая советская литература учит видеть, слышать, как растет жизнь. Она учит понимать людей, понимать, чем они живут. Учит вникать на людей, пахоть почву, сорняки из жизни вырывать. Она вооружает. Раньше литература была достоянием лишь привилегированного общества, теперь она становится все более и более достоянием масс.

Мы проводим всеобщее обучение, мы готовим к жизни поколение, которое достроит социализм. Это поколение мы должны вооружить глубоким пониманием жизни, людей, людских отношений. Сейчас мы видим, как часто отсутствие этого понимания мешает строительству социализма. Годы работают люди друг с другом и не знают друг друга. Смотрят и не видят. Мы должны научить наших ребят видеть. Каждый писатель знает, чувствует, как много ему дало искусство писать, как вырос он на этой работе. И современный писатель не может не понимать, как важно нашей молодежи, пионерам, комсомолу научиться читать по-настоящему художественные произведения, понимать их значение, уловить весь, самым учиться через литературу живым образами говорить с миллионами.

В самом важнейшем вопросе, преподавание литературы, преподавание «теории литературоведения» — задача наших литературоведов. Наши пионеры устранили всякого рода кружки: шумные оркестры, физкультурные, юных техников, юных натуралистов. Но никогда в письмах и речах пионеров не упоминается о литературных кружках, нет планов таких кружков, нет списков литературы для таких кружков. Никто ребятам не приходит на помощь.

Дагестанский опыт

До Октябрьской революции в Дагестане не было ни одной школы, ни одной книги, ни одной грамотности. Определялась так: 5 проц. грамотных мужчин и 1 проц. женщин, да и то на арабском языке. Наконец, существовали языки и наречия, на которых при всем желании нельзя было быть грамотными, так как языки эти являлись «устными», не имеющими алфавита. Только после революции, в 1926 году, было впервые установлено, что Дагестан объединяет 36 национальностей с 82 наречиями. Став в 1920 году советской республикой, Дагестан уже через десять лет посидел за учебными столами восемь тысяч детей и более ста тысяч взрослых, а к пятнадцатой годовщине Октябрьской революции грамоте достигли пятнадцать тысяч человек, половину всего взрослого населения страны. В культурном отношении 1932 года участвовало двадцать тысяч культурнейших. Такого нашествия грамотных на деревню еще не знала история.

В 1917 году не было ни школ, ни газет, ни книг, ни даже письменности у некоторых национальностей. Чеченский писатель Бадуев на I пленуме оргкомитета ССП образно характеризовал положение горских народов до революции, сказав, что их единственной культурой была — темнота.

А в 1933 году — Дагестан для впервые знакомящегося с ним кажется самой удивительной национальной республикой в СССР. Это республика, которая не имеет своего основного государственного языка. Впрочем, только потому, что она имеет их не более, не менее как целых семь, по числу основных народностей Дагестана. Каждое решение партии, каждое постановление правительства распространяется на семь, восемь и более языках, преподавание ведется на десяти, двенадцати, четырнадцати. Центральный орган ДагДНК имеет семь нацразделов, «Библиотеки в аулах» вооружены за эти немногие годы книг на аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском языках — общим тиражом до полумиллиона.

В феврале 1933 года, через несколько месяцев после культуртурма, выходит книжка дагестанских поэтов, первая книжка на русском языке с тех пор, как существует литература Дагестана.

Спустя месяц появляется в свет первый номер журнала «Штурм». Обе книги явились совершенно закономерным этапом в развитии дагестанской культуры, когда вопросы культурной смички с соседями и связи с пролетарской общественностью всего Союза становятся организационной потребностью роста занятых в литературе кадров.

Обе книги являются, с другой стороны, показателями того, что молодая дагестанская литература не намерена уходить в глушь местного фольклора, а собирается расти в перекличку с другими национальными отрядами советского искусства, беря темы эпоса нашего строительства и переделки человека.

Две тоненькие книжки, вышедшие в начале этого года, представляют само по себе небольшое, но очень рассматривая в отрыве от обстановки, существовавшей в Дагестане пять, десять лет назад. Но это же происшествие становится событием, когда оцениваешь его в свете совершенно неправдоподобных, но абсолютно реальных показателей стихийного роста масс в Дагестане, их тяги к просвещению и к овладению знаниями.

Говоря об этих книжках, мне кажется, совершенно невозможно вновь не коснуться культуртурма прошлого года. Он та начальная тема, которую можно было бы назвать материнской не только для этих двух книг, но и для других, еще не вышедших, не конченных, так же, как и для многих произведений живописи, первой живой картины, которая была социалистический реализм культурного, вслабленного морем охватившего весь Дагестан.

Когда будет написана «Культурная революция в образах и картинах», она представит книгу редчайшего героя, неожиданного, главным образом, тем, что речь пойдет о таких гуманных, никак не выдающихся и в общем довольно будничных вещах, как азбука и таблица умножения. Борьба за культуру развернулась в классовую войну, лихорадка стала пыткой нового быта и первыми литературно-творческими организациями для молодых писательских кадров Дагестана.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

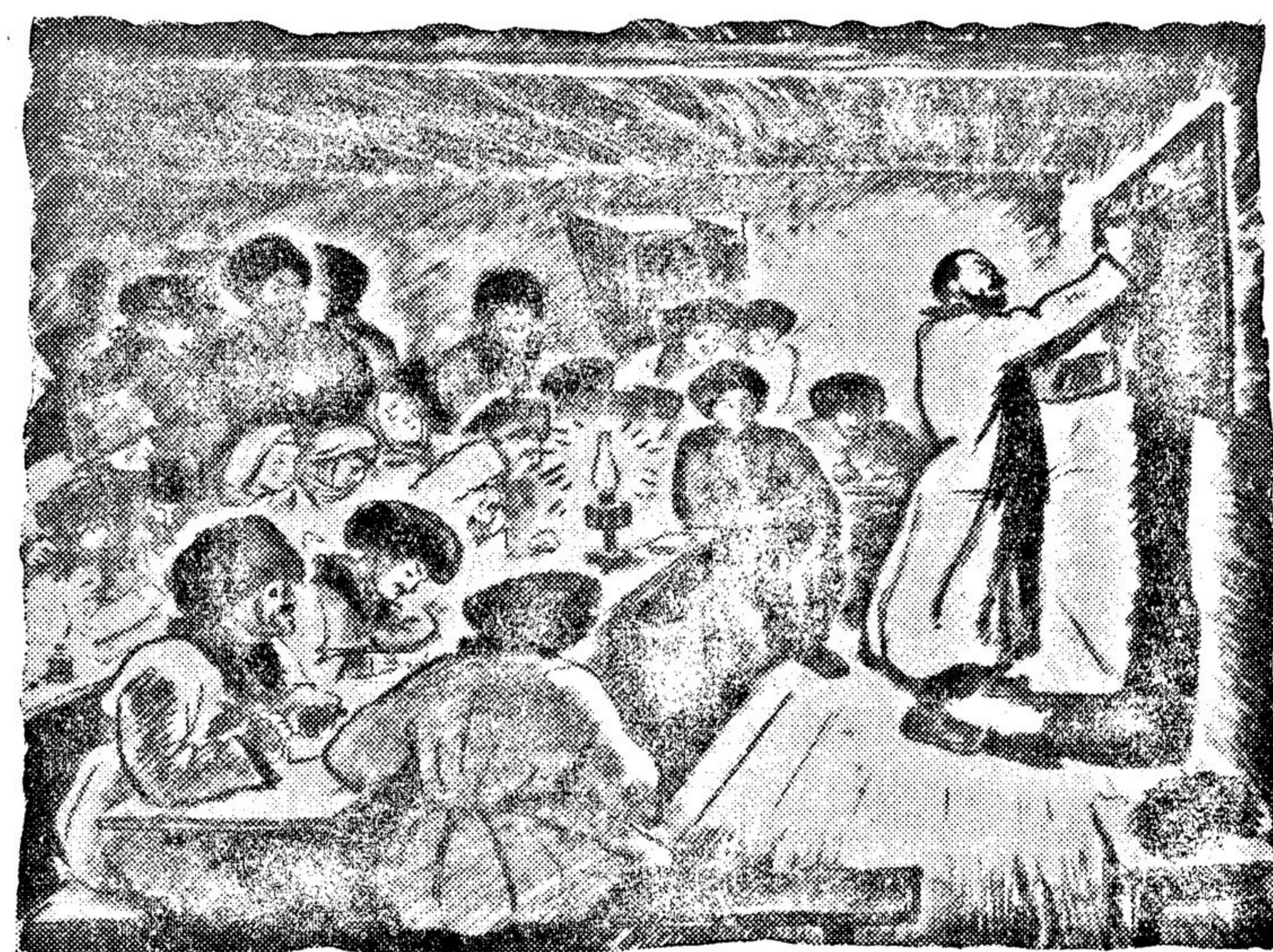
ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР.

№ 22 (250) 11 мая 1933 года.

ЦЕНА 20 К.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

З. Багрицкого, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Субочного, М. Серебрянского, Е. Усиевича.

Н. Лаков.

Эскиз к картине «Липунчик в горах»

нах, она представит книгу редчайшего героя, неожиданного, главным образом, тем, что речь пойдет о таких гуманных, никак не выдающихся и в общем довольно будничных вещах, как азбука и таблица умножения. Борьба за культуру развернулась в классовую войну, лихорадка стала пыткой нового быта и первыми литературно-творческими организациями для молодых писательских кадров Дагестана.

Культуртурм шел через аулы, где классовой доской служил дом этнического ящика, на нем паразитов кускам местной известности и стирала ладоны, где чертят цифры на записках медных тазов, гремящих от прикосновения мела, где част такой диалог:

— А тетрадь хватит?
— Тетради-то не беда: можно писать на стенах, а потом замазывать и снова писать...

Где строчат на развернутых спичечных коробках, на клочках газет, на шурках (!), не унывая, не дожидаясь лучших условий учебы. Ликвидаторы неграмотности извиваются в одном месте, громит лабизы в другом, тут женщины, сгитированные кулачем, разрастряют себе чеснок глаза, чтобы не ходить на занятия, там мула собирает на молитву правоверных в тот самый час, как начинается учебная азбука, но в тот же час, в глухом ауле, появляется женщина, на Рухият-Халима, поющая песни своего сочинения о грамотности и науке, целый район подхватывает их, потому что такие песни давно уже думались каждому, за ней другая, Хава Магомедова, отдает свою лепть для липунчика, организует субботник за дровами, жертвует две овцы из своих четырех на горячие завтраки для детей и шерва становится грамотной.

Верхний этаж Дагестанского музея — портретная галерея пастухов, ударников, рыбаков, козачников, партизан и домашних хозяек, принесших идею культуртурма с необыкновенной силой эмоциональности, на какую способны здешние люди с суровой закалкой. История прошлого всплывает торца в таких условиях нищеты, голода и заботности, что выдержать их можно было только из природного оптимизма. Этот оптимизм сейчас вовлечен в работу над жизнью, над бытом, над человеком.

Через несколько месяцев после штурма и менее чем через год после апрельского решения ЦК вышли «Поэты Дагестана» и журнал «Штурм». На русском языке эти первые книги дагестанской литературы.

Диалектизм, 4 — Жаргонизм, 5) — Неологизм.
в) Переносные значения слова и их роль в языке: 1 — Эпитет, 2 — Сравнение, 3 — Метафора, 4 — Метонимия, 5 — Синекдоха, 6 — Аллегория, 7 — Символ, 8 — Ирония, 9 — Гипербола, 10 — Каламбур, 11 — Омоним, синоним, 12 — Перифраз.
г) Явления синтаксического характера и их роль: 1 — Фигуры, 2 — Параллелизм, 3 — Инверсия, 4 — Эллипсис, 5 — Риторический вопрос, 6 — Анафора, 7 — Интонация, 8 — Пауза.
д) Явления звукового порядка и их роль.
3 глава. Композиция, разбор текстов и выводов:
Структура образа и сочетаний образов. Художественное произведение как идейно-образная система.
1 — Описание, 2 — Портрет, 3 —

Нельзя сказать: «Аулы просыпаются от топота коня, И эхо в щелях скал голосит», потому что не голосит, а голосит. Нельзя также сказать: «Памяти, на-сторОж», и рифмовать с «помо-ж», потому что говорится обычно: «насторОже» (стих. «Партизан», перев. Н. Феданцевой).

Трудны для чтения строки: «Чуткий шелест скользит С тепловозом ветром, И баяют волны, Что солнечные конфеты, Переличатый трепет — То синий, То светлый — Не давая глаза отвести».

(Т. Б. Бейбулатов, «Путинка», пер. Серебряковой).

Понять, что здесь сказано, невозможно. Кроме того подбор слов (тепловозный, баяют, солнечные конфеты, переличатый трепет) — очень дешевый модерн, снижающий серьезное значение стихов, посвященных путине. Жеманная поза чувствуется в переводе следующих строк:

«Тебе, О, сердце Мировой победы, — Наш чуткий пульс, Наш пламенный привет. Вам, Кто кипит Без мягкотелых визгов К топле борьбы В расстрелянную брызгу, Кто поднял кровью Знамя большевизма, Кто дивнет в бой Под знаменем победы».

(З. Гаджиев, «Октябрь», перев. Н. Серебряковой).

Если здесь нет дюжины опечаток, то неизбежно, что же в конце концов есть. Однако помимо безграмотности фразы фальшивы и самый язык, немощный, убогий, трескучий. Что значит «чуткий пульс»? Что такое «мягкотелые визги»? Как можно подыгать кровью брызгу? Что такое «к топле борьбы»? Кто дивнет в бой? — ко-го? Что? Если же сам, то дивнестись. Хороши (тем, что серьезные и простые, без риторической буффонады) переводы, сделанные О. Кольцовым, Гатевым, Эф. Капиевым и Чачиковым. Это, безусловно, лучшие переводы в сборнике, хотя и они местами не свободны от недостатков стилизации.

Первый номер «Штурма» богат и свободное поэтическое собрание. Проза, должно быть, не испытывает при переводе такого давле-

ния чужой, извне навязываемой формы, как стихи. Богаче и выразительнее также и содержание. Словесная риторика некоторых стихов замаскирована, энически спокойной серьезностью повестей. Большую ответственную тему расстрела Удубия Буняковского и его товарищей берет Роман Фатеев в повести «У Темиргое». Приведенный отрывок сделан скупко, сильно, волнующе.

«Героический поход» Аткай вместе с отрывком из повести Р. Фатеева являются лучшими вещами журнала. В номере много статей: Э. Капиева «Ленин в дагестанской поэзии», П. Алферьева о поэтическом сборнике, А. Сегеди о произведениях, посвященных теме Дагестана писателями РСФСР. Эта последняя статья придает первому номеру «Штурма» характер боевого выступления. Статья программа своей декларативностью и требованиями высокого качества художественной работы от писателей, пишущих Дагестан со стороны. Это ее достоинство. К недостаткам же следует отнести, во-первых, налет некоторой поверхностности в оценке литературного наследства и, во-вторых, приемы критики современников, местами напоминающие худшие методы некоторых товарищей из РАПП.

Грубость характеристик, не всегда понятно обоснованных, и обезличка портят статью, снижают принципиальность ее качественных критериев.

Автор говорит о дореволюционной русской литературе: «Что имела русская дореволюционная литература о Дагестане? В полдневный жар в долине Дагестана

С свинцом в груди... Две-три книжечки батального содержания о покорении Дагестана и... точка».

Во-первых, «В долине Дагестана» не такое уж плохое стихотворение, как может показаться Т. Сегеди, а во-вторых, говоря о прозе, нельзя отмахнуться от всего Марьянского, отпа русского романтизма и создателем «...» — это совсем не «две-три книжечки батального содержания о покорении Дагестана». Это — явление огромной исторической важности, зачеркнутое, которое невозможно, да и не к чему, ибо оно дает нам колоссальный материал для изучения тенденций русской батальной школы в литературе, ставшей с легкой руки Марьянского на службу русскому империализму. Мне кажется, что в некотором смысле о Дагестане написан и «Хаджи-Мурат» небезвестного Л. Толстого и что Дагестану же, если мне не изменяет память, посвящены и некоторые романы Немировича-Данченко. Русский колониальный роман родился и вырос в Дагестане. Об этом забывать нельзя.

Критика произведений современников, в частности могла бы быть реализована пожелание журнала предсказателя ДагССР Т. Мамедбекова о том, что на обязанности «Штурма» должна лежать «всяма ответственная задача по критическому переработке и изучению богатейшего фольклора ДагССР».

Еще нет отдела науки и техники. Еще нет краеведческого материала. Многого, конечно, нет. Но мы имеем дело с первой пробой сил. Первый номер «Штурма» — хороший почин большого дела.

П. ПАВЛЕНКО

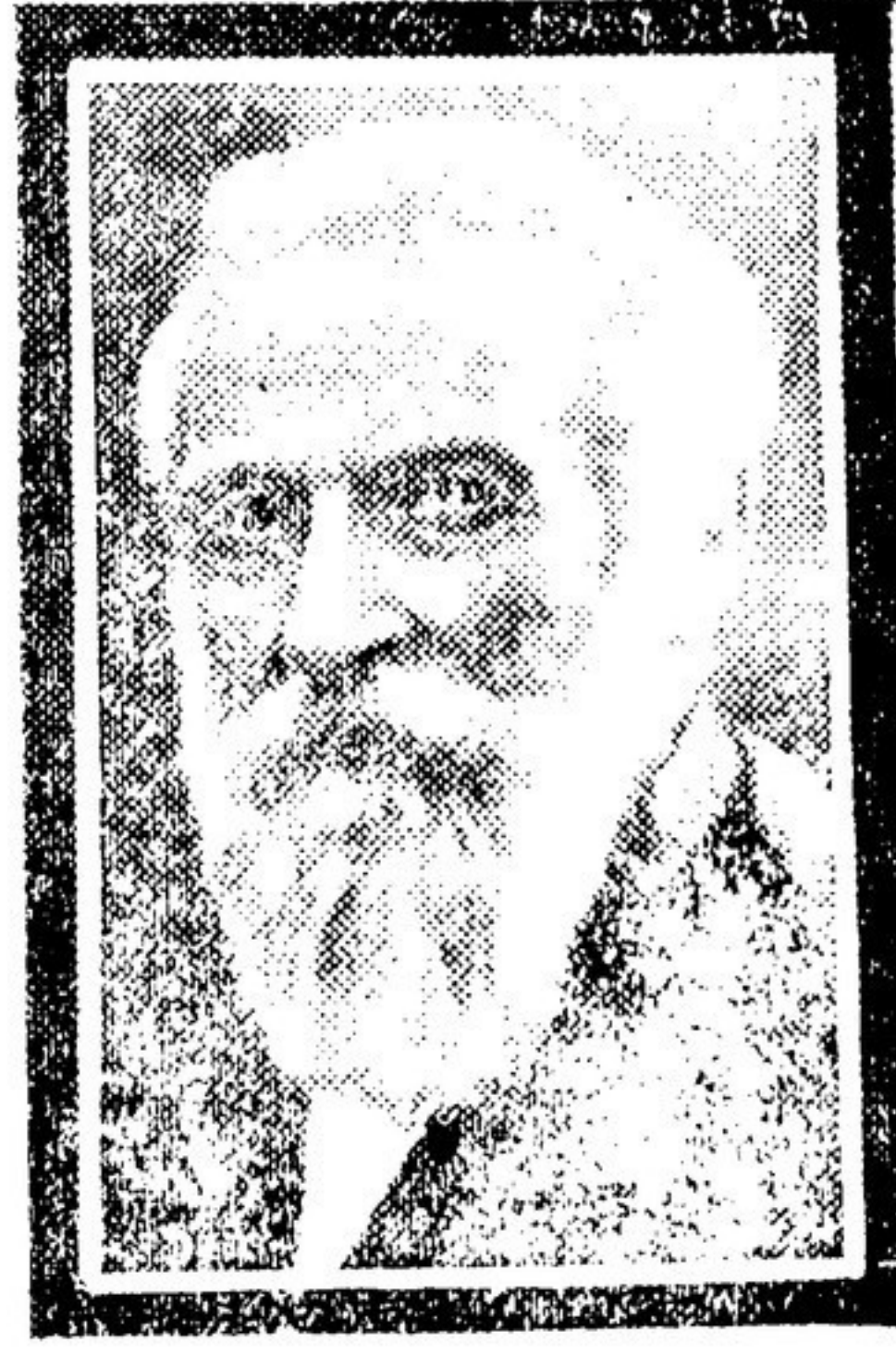
ПАМЯТИ М. С. ОЛЬМИНСКОГО

Завершилась жизнь человека, чье имя звучало на всю нашу страну как живое воплощение самого заветного из когда-либо в человеческой истории существовавших типов людей, — как живое воплощение пролетарского революционера-большевика. Олимпийский! И вот — перед тобой проходят картины ВСЕЙ ИСТОРИИ революционного рабочего движения в России, эпизоды не престанной беззаветной борьбы стойкого, всегда в первых рядах идущего большевика-ленинца, чья жизнь — пример, образец. Воинствующим большевиком, соратником Ленина был всегда Михаил Степанович Ольминский на передовых участках классовой борьбы пролетариата, — воинствующим большевиком, соратником Ленина был он и на литературном фронте.

Он оставил нам лишь один сборник статей о художественной литературе. Но какая это большая книга пролетарских идей в искусстве! Какой это верный учебник коммунистической литературной критики!

Он учит нас партийной страстности борца за пролетарскую социалистическую культуру, учит уничтожающей неспиримости ко всему чужому, гнилому, унаследованному, ко всему, что противоречит интересам пролетариата и его партии на высотах искусства и художественной литературы. Учит разоблачать пошлую буржуазную ложь о «святом», «чистой» искусстве, учит видеть и шаг за шагом разоблачать за этим лицемерием служение интересам эксплуататорских классов. Учит непримиримо бороться за правду в искусстве и литературе, но — не за лживую сезоновую «ПРАВДУ ВСЕХ И ДЛЯ ВСЕХ», но за суровую, мужественную ЕДИНСТВЕННУЮ ПРАВДУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА И ЕГО БОЛЬШЕВИСТСКОГО АВАНГАРА. Учит нас борьбе за полностью широкие интересы искусства и литературы, учит отращиванию и мясанию литературным правам прошлого, еще живущим и сегодня в литературной среде, — к группировке мелких себялюбцев и зазнайшине верхоглядов.

М. С. Ольминский был учителем пролетарских писателей. Он был, — не мог не быть, — подлинным ДРУГОМ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, литературы класса, носителя свободной социалистической культуры, пробившей себе дорогу

в боях. И он звал пролетарских писателей черпать шире, глубже из глубочайшего источника неувядающей революционной действительности. Он мечтал о воплощении в ярких образах искусства типа большевика, профессионального революционера.

Пролетарский художник, который воссоздаст завтра в искусстве огромный образ большевика, не сможет пройти мимо прекрасной жизни М. С. Ольминского; жизни, содержанием которой, смыслом которой, духом и стилем которой было служение делу пролетарской революции.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ, А. СЕРАФИМОВИЧ, Ф. ПАНФЕЛОВ, А. БЕЗЫМЕНИЙ, М. КОЛЬЦОВ, В. СТАВСКИЙ, Д. БЕДНЫЙ, В. ИЛЬЕНКО, П. ПАВЛЕНКО, БИЛЫЙ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ, А. ЖАРОВ, П. ЮДИН, Г. ВАСИЛЬКОВСКИЙ, Б. ВОЛИН, Б. ГАЛИН, С. ДИНАМОВ, И. ГОВЧИК, Л. СУБОЧНЫЙ, И. АНИСИМОВ, М. ЧАРНЫЙ, Е. УСИЕВИЧ, Г. ЛЕБЕДЕВ, О. БЕСКИН, И. НУСИНОВ, БУБЕКИН, Б. ИЛЛЕШ, А. ГИДАШ, А. ИСАХ, Б. ГОРБАТОВ.

ЦК ВКП(б) С ПРИСКОРБИЕМ ИЗВЕЩАЕТ О СМЕРТИ СТАРЕЙШЕГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА, СТОЙКОГО И ВЕРНОГО ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКА, НЕУТОМИМОГО БОРЦА ЗА ДЕЛО СОЦИАЛИЗМА МИХАИЛА СТЕПАНОВИЧА ОЛЬМИНСКОГО.

ДИРЕКЦИЯ, ЛЕЧЕБНИК, ПРОФКОМ ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ ЛИТЕРАТУРЫ С ГЛУБОКИМ ПРИСКОРБИЕМ ИЗВЕЩАЕТ О СМЕРТИ СТАРЕЙШЕГО БОЛЬШЕВИКА, НЕПРЕКЛОННОГО ЛЕНИНЦА, ВЕТЕРАНА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ, ОДНОГО ИЗ ПЕРВЫХ ТАЛАНТЛИВЕЙШИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ КРИТИКОВ — БОЛЬШЕВИКОВ МИХАИЛА СТЕПАНОВИЧА ОЛЬМИНСКОГО.

ОРГКОМИТЕТ ССП СССР С ГЛУБОКИМ ПРИСКОРБИЕМ ИЗВЕЩАЕТ О КОНЧИНЕ СТАРЕЙШЕГО ЧЛЕНА ВКП(б) ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА М. С. ОЛЬМИНСКОГО.

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА КОМАКАДЕМИИ ВМЕСТО ВЕНКА НА ГРОБ М. С. ОЛЬМИНСКОГО ВНОСИТ В ЦК МОПР В ФОНД ПОМОЩИ ДЕЯТЕЛЯМ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ, ПОДВИЖНИКАМ ОТ ФАШИСТСКОГО ТЕРРОРА. — 300 РУБЛЕЙ.

ПОЧТИ СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

СОСТАВИЛ АЛЕКСАНДР АРХАНГЕЛЬСКИЙ*

Рис. КУКРЫНИКОВ

КОГДА ПОТРЕБУЕТ ПОЭТА „ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА“

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше слово,
Товарищи...

В. МАЯКОВСКИЙ.

Председатель. Алтаузен!
Прозанский голос. Алтаузен нет. Уехал в Орехово-Зуево, на выступление.
Председатель. Антокольский!
Тот же голос. Он в театре.
Председатель. Ассев!
Голос. Отсутствует.
Председатель. Попробуем начать с буквы Эс.— Сельвинский!

Сельвинский (перебирая листки с тезисами предстоящей речи). Я не готовился.
(Общая растерянность. Поэты поглядывают друг на друга.)
Председатель. Тогда позвольте мне. (Из уважения к собранию говорит белыми стихами.) Товарищи! Сегодня мне хотелось услышать от собравшихся поэтов

О том, что нынче их тревожит. Над чем они работают, страдают. Недавно и беседовал с поэтом. Его стихи и, в частности, отрывок (На-днях он напечатан в «Литгазете»)

Вы, вероятно, все читали. Он — Поэт, а не оратор — может нам послужить началом разговора. Что характерно для поэта? В кусочек мироздания, в атом Он вкладывает очень много мыслей.

Прессу их, сжимая доотказа. Я полагаю — это хорошо. Но плохо то, что сложность у него не делается ясной и прозрачной. И с жизнью у поэта происходит не уплотнение, а наоборот.

Итак, поговорим о простоте. (Прозой). Все-таки начнем с буквы Эс. Сельвинский (торжественно, стихами).

Не приходится говорить о принципиальном значении Постановления ЦК от 23 апреля. Поговорим о конкретных результатах

Проведения его в жизнь в области поэзии. Нас меньше ругают сейчас. Это большой плюс. Но смешно считать, что только вот к этому

Сводится постановление ЦК. Вы помните, какую огромную роль в жизни поэзии играли группировки.

Они определяли движение вперед. Планировали — если хотите, заставляли

Поэта расти, потому что в них Отвечал не только отдельный человек,

* К СВЕДЕНИЮ. Все ораторы выступавшие на поэтическом совещании, организованном «Литгазетой» и Мосгоркомом писателей, говорили прозой. Составитель перевел речи поэтов на язык поэзии, не делая этого, понятно, в отношении критиков. Высказывания ораторов даны примерно точно, в сокращенном (из-за недостатка места) виде. — Отрывок Кирсанова: «Старый стих — трюх, трюх» — пародия.

Эпох. Поэт дал идеалистическую встречу двух друзей, спокойно и безразлично сообщая в уютном кабинете какой-то декрет высшей инстанции, чтобы показать, да, разные эпохи, двух разных вождей, и показать их во плоти и крови, не беглыми призраками, какими они выведены в поэме.

То же следует сказать и о заседании «необычайного политбюро». Мы далеки от мысли хотя бы в какой-нибудь мере осуждать поэта за его фантазию — наоборот, фантазия эта сама по себе вовсе даже неплоха, — беда в том, что сделана она неумело и упрощенчески.

...поставлен к стене человек с вещами, и папку с отчетом Сталина берет.

Я понял: тут создано совещание необычайного политбюро.

Стоит на повестке разбор и проверка работ советских вперед на полвека. (стр. 59—60).

Все это крайне неубедительно и слабо. Чем заставляя выработать план, да еще проверять его на полвека вперед, было бы куда разумнее и полезнее показать нынешний СССР.

Но даже и «вперед на полвека» — это только слова, так как ничего конкретного из обсуждения этого вопроса поэт не приводит. Он ограничивается лишь тем, что

...вынул Маркс записку книжку, и Ленин пригрозил листки.

Очень слаба также глава о том, как Маркс ожидает революцию из Парижа. Тут, вероятно, не столько вина тех биографов Маркса, которыми пользовался Кирсанов, но картина пассивного ожидания революции совершенно не соответствует действительности. Маркс к началу революции 1848 г. не только успел уже создать международную коммунистическую организацию, но и принимал непосредственное и ру-

Страна ждет новых ведущих произведений. И все разговоры будут впускать, Пока кто-нибудь не напишет вещь, Которую мы сможем назвать рубиной.

Ясно, что такое произведение В одиночку мы не создадим. И если сейчас нужен лозунг, То я говорю: «ДОЛОЙ ГРУППОВЩИНУ!»

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГРУППИРОВКА!

Васильев (вздвинувшись). Чо ли не ладно, Станишники! Братцы! Атаман-председатель, Ответь.

Пошто Сельвинский Полез драть! Напер на меня, Чисто медведь.

Чо он делат, казаки, чо жал! Чо это прилетат Фимам!

У Сельвинского кожа — У нас тожа. Мы сами понимаем.

Били меня в лоб, В затылок били, Чисто сплус котелок От щелчков.

Заживат. Меня не погубили Ни Есенин, Ни Клюев, Ни Ключков.

Штоба мне В кулаках не оказаться, Штоба подумаш, Прошай, родня! Штоба не погубить В войске казаком — Надоть слязат С кляксовского коня!

Трезвые голоса. Правильно! Пора! Пора! Васильев.

— А что касается того, как относится ко мне некоторые литературные партийные критики, то я это фимамом не считаю. Я так плохо к марксистским критикам не отношусь и не считаю, что поэзия для них — рубашка, которую они завтра скинут, и именно поэтому я к нашей критике прислушиваюсь и уважаю ее.

Председатель. Слово имеет Кирсанов! Кирсанов (в виде офени).

КУКРЫНИКОВ

Трюкачество

У поэта люди — толпа провожатых. Немецкий говор. Движение. Смех.

Если глазами Всех пробьют их, Станет понятно — вышлют всех... (стр. 128).

И это все! Но если допустить, что автор и поэт, почему «вышлют всех», то к читателю этот вывод никак не доходит, будучи совершенно не аргументирован. Беда в том, что наши поэты нередко формулируют выводы за читателя. Не объясняют ли это главным образом тем, что они чувствуют слабость своего художественного воздействия? Не пора ли предоставить читателю самому делать выводы — но зато и от поэта будем требовать того, что он дает обязан — полноты в художественном изображении.

Нашим поэтам, как и писателям вообще, следует хорошо запомнить слова Энгельса: «Тенденция должна сама по себе вытекать из положения, действия, без того, что бы на это особо указывалось...» (письмо к Минне Каутской от 26 ноября 1885 г. См. «Архив Маркса и Энгельса» кн. IV, стр. 318). У Кирсанова же как раз наоборот: недостаточно развиваются «положение и действие», на зато сверх всякой меры развита «тенденция». От этого всегда проигрывает сама «тенденция», т. е. направление и цель, которым служит данное произведение.

Маяковский правильно выразил стремление лучшей части наших поэтов к «овладению» образом Маркса. Он писал:

Как же жизнь его От представляя далека! Люди видят замурованного в мрамор, Гипсом холодеющего старика.

Увы! Поэма т. Кирсанова ни шаг не приблизил нас к образу Маркса. «Товарищ Маркс» товарища Кирсанова — это все тот же «замурованный в мрамор, гипсом холодеющий старик», а там где он под рукой поэта и оживает, оживает не действительный Маркс, а Маркс, искаженный зачастую до неузнаваемости.

Тема «Маркс» ждет своих художников.

Меня не меньше, чем прежде, ругали. Лягушка-критик из кожи лезет. Вопит, едва попадусь на рога ему:

«Кирсанов — юркий мальчишка в поэзии!» С...люми утрите Уважаемый критик!

Факт, не вызывающий сомнений. В нашей поэзии что мы имеем?

С одной стороны — Маяковский гений. С другой — поэты пигмеи.

Насчет группировок. Без школ и групп Поэт — как без ног и без рук.

Куда без группы деться нам? Где голову приклоните? Читаю в Доме Герцена Стихи на подоконнике.

Перед одним — поймите вы — Рукой маши, Оравторству, Когда нужны ценители

Моей строки новаторской. Новаторства добиться Возможно ль так? Ответьте!

А тут — передовица. Читаю в «Литгазете» (Цитирует):

«...совсем другое — кликушество некоторых «новаторов», неустойчивых и неопределившихся локми «старых форм», призывающих советских художников «разрушать» форму. Для этих «новаторов» форма становится самоцелью, она превращается в нечто самоцельное и опустошенное, она лишается своего необходимого содержания».

Статью не спасает обилье кавычек. К чему призывает эта статья?

Надо поэту новаторство вычистить, На старые формы поворота.

Реставрация гнива, Раком пятайся, по! «Ах ты, нивая моя, нива,

Нива красная моя!» Товарищи! Это тоже хвостизм.

Когда у поэта белый стих. (Читает из книги Луговского «Жизнь».)

«Здесь жила и строила маленький народ... Он передал нам дивное искусство...» и т. д.

Эту поэму поднимают на щит! Но что ликантно, товарищи,

Я читал, пропуская строчки, И вы не заметили. Поэма — порочна.

Голос отсутствующего Луговского. Я не смущен такой переделкой. Но я прошу, я требую, хочу

Прочсть стихи из этой же поэмы, Как мой ответ Кирсанов Семину.

(Читает.) «Я вспомнил барабанный бой Стиха, Удары слов неполного значения» и т. д.

Кирсанов (роясь в карманах и не слыша полустороннего голоса Луговского).

Еще я заарканил стих.

Поэт Леон Архангельский (Читает.) «Россия, нищая Россия»...

(Шум, переходящий в реплики. Кирсанов, огрызаясь, настаивает, что «НАЙТИ ТРАДИЦИОННУЮ ФОРМУ ЛЕГЧЕ, ЧЕМ ИСКАТЬ НОВУЮ ФОРМУ».)

Председатель (не теряя уважения к собранию, говорит прозой). — Кирсанов ставил вопрос таким образом, будто «Литгазета» выступает против поисков формы. Мы говорим, что советский художник должен работать над формой своих произведений. Он должен внимательно учиться у лучших мастеров. Он не может пренебрежительно относиться к художественному уровню своих произведений. Мы выступаем против тех, для кого форма становится самоцелью. Мы против тех, которые вместо художественного качества дают шаркачество и трюкачество.

Кирсанов (не задумываясь). Старый стих — трюх, трюх, Новый стих — топ, топ.

Почему трюх, трюх Должен лечь в гроб, гроб?

Прекратим спор, спор, Никчему гал-деж. Новым фор-фор-фор-формам трюх хо-рош.

(Жидкие аплодисменты ни во что не переходящие.)

Кирсанов. — У меня была однажды разговор с Маяковским: я пришел к нему, принес ему свои стихи «Бой быков», «Буква Р» и «Сельская гравюра». И говорю ему: «Вот, Владимир Владимирович, я написал новые стихи. А он мне говорит, вот вам 300 строк, напишите «Бой быков». (Смех). А про «Букву Р» он сказал, что хорошо было бы приспособить это к борьбе с антисемитизмом, а сельское стихотворение — к посевной кампании. Это показывает, как Маяковский толкал нас с поэтических высказываний на повседневную практическую работу.

Председатель. Вера Михайловна!

Вера Михайловна. Инбер. Я — женщина хрупкая. Я не чета Поэтам пола мужского.

Но я не могла бы так читать, Как Кирсанов читал Луговского. Не нравится? Пожалуй, воздержись.

Читка была ужасно сухая. А я считаю, что у Луговского «Жизнь» —

В сущности не плохая. О новаторстве. Товарищи. Почему Мы видим у многих ученых борьбы и

Они делают опыты, так сказать, на дому, Не вынося за пределы лабораторий?

Почему поэт, собой дорожа, Свои эксперименты к печати торопит?

Впрочем, не будем возражать, Если удачный опыт, О простоте. Простота — хорошо. Это доказывает просто тем, Что Маяковский, товарищи, все время шел, время шел, простоте.

Как большой поэт, к большой простоте. О группировке. Я не думаю, что она

Нам непременно нужна. Я не знаю, нужна ли? А вдруг Повторение старых групп? О белом стихе. Я не согласна, Когда читают пристрасно.

Председатель. Следующий оратор — Михаил Светлов.

(Возгласы одобрения.)

Светлов. О чем говорить мне, О чем и о ком? Скажу я, друзья мои, О Луговском.

От хохмы плохой Невысокая честь. Я мог бы Кирсанова Так же прочесть.

Но «Жизнь» прочитав Без таких антраша, Я вижу — по мысли Она хороша.

Что плохо в поэме? Стих белый не нов. Читаешь — неважный «Борис Годунов».

О нашей поэзии — Страшно сказать — Она к Боборыкину Мчится назад...

Мне нравится фокус, Новаторство туп, Когда он не сделан Путем авантюры...

О критиках. Старый Поэт, оглядись. Тебе угрожает Книжка и садизм...

О группках. Сельвинском. Не может он, чтоб Не бить групповодом. Не бить лоб в лоб...

На этом, друзья мои, Кончат старик. Он дальше не знает, О чем говорить.

Председатель. Следующий! А. Сурков (на мотив: «Поэзавыт, поэзавыт»).

Я, как бывший и битый, — Хоть не прежня прить, — Но могу о группировках Все же поговорить.

Ах, поэты пристрасны, Мною в них клещи. Не читают, а читают На чужие стихи.

Ах, скажу я, скажу я — Это ясно видно, что поэты не могут Свою критику создать. И не критики наши Не дают ничто. Оружейников напишет — Хуже нет ничего.

(Неожиданные бурные аплодисменты. Крики: «Верно!»).

Ах, Кирсанов, Кирсанов, Ты на трюхи хорош. Но на этом, братишка, Далеко не уйдешь. (2 раза).

А. Архангельский

Брик. Ставить знак равенства между новаторством и трюкачеством — немыслимо.

Я не слышал самого главного определения, т. е., что новаторство должно быть новаторством чего-нибудь.

Нельзя просто так решать: «Я начну писать по-новому». Так не делается.

Мне В. Катаев сказал: «Я сейчас буду писать вещь без образов. Надоело писать с образами. Это не новаторство. Это чепуха. Беда нашей поэзии в том, что поэты не ставят себе проблем. Поэзия должна двигаться вперед. Газетный стих — одна из увлекательнейших проблем советской поэзии».

(Шум. Крики: «А кто хорошо пишет для газеты? Ассев?»).

Никто. Вы начнете писать стихи лучше не тогда, когда вы сами это решите, а когда у вас будет соревнование. Вот, например, Ассев...

Инбер. Меня не вдохновляют стихи Ассева.

Брик. Потому что они написаны плохо. Если бы это были хорошие стихи, они бы подняли ваше настроение.

Задача стиха малой формы не стоит перед поэтами никак. А проблема широко-агитационного колхозного стиха? А плакатный стих это не проблема?

Инбер. Это задача, но не поэтическая. Брик (внушая). Это поэтическая задача.

Инбер (не поддаваясь внушению). Нет.

Поэты пишут стихи с определенной установкой для так называемой интеллигентной публики. Нужно найти форму, чтобы писать стихи? Нужно.

Голос. Почему вы думаете, что для интеллигента надо писать одни стихи, а для рабочих другие? Брик (быстрая речь).

Каждый поэт выбирает себе публику. Безымянный пишет стихи для Горьковского автозавода. Он делает нужное дело, но плохо, потому что не думает над формой. Надо учиться стрелять до боя, а не во время боя.

Мое глубочайшее убеждение, что именно в разрешении этих проблем и лежит путь советской поэзии.

(Шум. Неорганизованные возгласы.)

Голос. О каких стихах вы говорите? Брик (твердо).

Я говорю о стихах, выполняющих роль мобилизации масс на социальное и на борьбу.

Председатель. А еще точнее? Брик.

Это будет разрешение тех проблем, которые стоят перед поэзией, т. е. вывести поэзию из той культурной замкнутости, в которой она находится, обслуживая культурные круги, обслуживаемые и раньше.

Нет у каждого поэта своей проблемы, есть проблема советской поэзии.

(Всобщее возбуждение. Шум. Неудавшиеся стенографистские крики и реплики.)

Бескин. В спорах о группировках выпал самый необходимый и самый элементарный в смысле потребности группировки вопрос о наших журналах. Это большая тема. Стихи печатаются как формула перехода от одной прозаической вещи к другой.

Кирсанов обрушился на белый стих. Но одно из лучших стихотворений Ассева «Необычайное» написано позорным белым стихом. Почему же Кирсанов не сказал тогда, что это реакция?

В чем сущность выступления Кирсанова и Брика? Идет борьба за следующее: есть определенные жанры, которые являются советскими, и есть жанры, которые должны быть отрезаны. В этом расшифровка положения, не новое, а старое, во всей формалистической борьбе мы ставим вопрос о том, что нет умерших жанров, есть модификация, идущая от мироощущения.

Это страшная вещь для поэта. Что сказал старичок Гераклит? «Все течет, все меняется» — это Знает критики нашей синклит?

Эта косность должна быть разбита. Взятая нами скорее в штыки. Чтобы прошлое было забыто, Покрывався с себя ярлыки.

(Стремительно уходит.)

Усевич (сразу вскипая и бурля). Сегодняшнее совещание особенно вывело всю опасность формализма. У некоторых товарищей есть тенденция обвинять всех новаторов классовыми врагами. Это страшная опасность...

Нужно непременно разграничить новаторство и формализм. В чем опасность? В том, когда близкие нам люди, революционные поэты, заражены формализмом.

Когда Кирсанов, когда Сельвинский формально подходят к литературе — это опасно.

Вот — Васильев. Мы знаем, что представляло его творчество, и достаточно боевым образом были настроены против него.

Что же здесь говорил Сельвинский Васильеву? Он говорил: мне все равно, будущее ли ты перестраиваешь или не будешь, будущее ли писать колокозные или противолокозные стихи, — все равно важно, если ты будешь брать образ из деревни, то это само по себе реакционно.

Голос. Неправильно! Неправильно! Усевич.

Сельвинский говорил, если поэты революционные, то они обязательно будут урбанистами. Товарищи. Урбанизм — это буржуазное течение, несколько не так, не устранившее, но нас тоже не устраивает. И такая постановка вопроса может сбить того же Васильева и других с ним, которые хотят двигаться к нам.

Сказать, что на мировоззрение напавшая, что у тебя такие-то истоки, а жалеешь перестраиваться — бери трубу, грану и варганку — и точка. Но о гранке и варганке можно писать по-разному, все зависит от мировоззрения. А вот скажите, урбанизм или не урбанизм Сельвинский? Сельвинский, подходить чисто формально, учитывая только форму, недоучитывая роль мировоззрения, построил опасную политическую схему противопоставления деревни вообще городу вообще. Это есть формализм реакционной.

Кирсанов во славу Маяковского взял его отвлеченные ошибочные высказывания и абсолютизировал их. Если Маяковский говорил, что нужно писать только асики для посевкампаний, не нужно было его слушать.

Кирсанов. Я этого не говорил. Усевич.

Здесь говорили о газетных стихах. Кирсанов говорил, что пишут о пташках, о том, о сем, что это реакция. Можно по-разному писать о пташках и о любви, но так, чтобы, как говорит в своих стихах Сельвинский, «...Строка и зеленая, как трава, и душист кулаком...»

Кирсанов (радостно). Я согласен с вами на все 100 процентов!

Усевич (сурово). Но ты говорил другое! Кирсанов (еще радостно).

Но я думал то же самое! Ф. Левин (укоризненно). Стенограмма не фиксирует «думать», а фиксирует только слова.

Усевич (кипя и бурля). Вы говорите о новаторстве, а хотите абсолютизировать форму.

Кирсанов. Одну минуточку!

Усевич. Вы кричите, значит вас задело?! (Шум. Крики. Не поддающиеся фиксации реплики.)

Усевич. Все это может привести к тому, что пролетариат будет слушать патефонные пластинки Вертинского, если вы не дадите своей лирики...

(Аплодисменты. Возгласы. Шум.)

КОНЕЦ.

